

Роджер Смит

(Roger Smith) — почетный лектор по истории науки в Ланкастерском университете (Великобритания), почетный член Института философии РАН. Автор книг «История психологии» (2007), «История гуманитарных наук» (2007), «Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы» (2014), «Чувство движения: интеллектуальная история» (2021).

Демного О ТАКТИЛЬНОСТИ

Проходя по универмагу, я вижу, как женщины всех возрастов трогают развешанную в залах одежду, перебирают металлические вешалки и пальцами ощупывают ткань. Вот одна из покупательниц тянет к себе вещь — не просто чтобы посмотреть, но чтобы провести ладонью по ткани и почувствовать текстуру. Изучив изделие, она теряет к нему интерес и засовывает обратно или даже небрежно роняет, так что оно соскальзывает с вешалки. Продавцы едва успевают вешать одежду на место и складывать. К тому моменту, как кто-то соберется купить какую-нибудь вещь — если вообще соберется, — к ней прикасались уже сотни рук. Не исключено, что одежда в роскошных бутиках стоит намного дороже отчасти именно потому, что ее никто не трогает. А в возможности потрогать все руками, наоборот, таится привлекательность вещей, громоздящихся на вешалках или сваленных в кучу в универмагах. Флагманский магазин американской сети сниженных цен Filene's Basement, закрывшейся в 2007 году, находился в Бостоне. Просторный полуподвальный этаж (отсюда basement в названии) был заставлен столами и вешалками, буквально заваленными

и увешанными горами невероятно дешевой одежды: остатками прошлогодних новинок, товарными излишками, невостребованными коллекциями и всякой всячиной, заниматься сортировкой которой не станет ни один магазин. В ворохе одежды можно было найти наряд на любой вкус. Женщины — это явление носило отчетливый гендерно маркированный характер — с удовольствием копались в горах одежды, время от времени вытаскивая ту или иную вещь, чтобы хорошенько рассмотреть ее и отбросить прочь. В поисках сокровищ они методично работали глазами и руками одновременно. Все можно было потрогать, и каждую вещь трогали много раз. Некогда Filene's Basement был местной легендой как для бедных, так и для людей со средствами. Однако теперь, когда многие перешли на онлайн-шопинг, чему немало способствовала пандемия коронавируса, люди, покупая одежду, приучаются обходиться воспоминаниями о тактильных ощущениях — или их предвкушением.

«От Filene's Basement к онлайн-шопингу» — повесть о расцвете новых технологий и угасании привычной тактильности. В свете происходящих в обществе изменений и с учетом опыта вынужденного физического дистанцирования в период пандемии стоит задуматься, что такое тактильность. Тема бескрайняя, и я, разумеется, «затрону» лишь отдельные ее аспекты. Эта многозначность слова «трогать» напрямую связана с тем, о чем я собираюсь сказать.

Говоря, что мы хотим «затронуть» некий вопрос или тему, мы прибегаем к фигуре речи, к метафоре. Всем хорошо знакомы «осязательные» метафоры («ее слова меня тронули») и принятые в обществе сложные правила, определяющие разрешение или запрет на касание. В любом значении «тактильные» слова характеризуют категорию *отношений* между нами и чем-то другим, будь то события, люди или вещи, в том числе и одежда, которую мы носим. Осязание отличается от других чувств тем, что ставит нас в более прямые и непосредственные отношения с окружающим миром. На это указывали многие авторы и артисты.

В повседневном английском слово touch («осязание, касание») — общее понятие, не обозначающее конкретный предмет или процесс. Обычно под осязанием подразумевают одно из «пяти чувств», выделяемых в западной культуре со времен Аристотеля, поэтому может показаться, что у этого понятия есть четкое значение. Но в английском за словом touch кроется необычайно обширный диапазон тактильных ощущений — от легкого прикосновения до разнообразных сенсорных реакций, вызванных давлением, температурой, чувством движения (кинестезией) и тяжести, от боли до удовольствия, а иногда

и чувство телесности в целом. Даже у прикосновения-контакта множество подвидов: разные нервные окончания (всего около тринадцати типов), спрятанные под кожным покровом, реагируют на разные тактильные качества, определяя, шершавый предмет или гладкий, острый или тупой, регистрируя давление и образование складок на коже. Из-за многогранности осязания как чувства его трудно анализировать как описательно, так и эмпирически. Но, вероятно, главная трудность заключается в том, что рефлексирующий человек постоянно чувствует осязание, замирает он или движется, стоит на ногах или сидит в кресле, стучит по клавиатуре или ест мороженое. Другие чувства можно «выключить» (мы можем закрыть глаза), но осязание не выключается. (Существует заболевание, по счастью редкое, так называемый синдром запятого человека, при котором почти отсутствуют осязание и мышечное чувство; Vidal 2018). Как же его контролировать, ведь оно составляет одно из условий эксперимента? Чувство «одетости» неизменно напоминает о многомерной и непрерывной природе осязания. Есть и еще одно затруднение: осязание предполагает движение — либо мы трогаем, либо нас трогают, и даже чтобы сохранить исходную позу, надо приложить усилия (Smith 2019).

У крайней употребимости неконкретного слова *feel* («чувствовать», «осязать») в английском языке есть веские причины. Оно указывает на то, как тесно осязание переплетено с другими нашими чувствами, эмоциями и познанием. Понимание этой связи привело к тому, что язык тактильных ощущений распространился на другие чувства. Нам кажется естественным использовать язык осязания для описания не только конкретных ощущений, но чувств в целом: мы говорим об эмоциональной «близости» или, наоборот, «дистанции», оцениваем, насколько свободными или неуклюжими нам кажутся собственные движения, ощущаем, что мы одеты тепло или легко, и так далее — а ведь все это осязание.

Осязание и его язык изящно приспосабливаются к социальным обычаям и обстоятельствам, равно как и к индивидуальным особенностям. Пандемия COVID-19, вынудившая регулировать физическую дистанцию и касания четкими правилами, заставила всех задуматься об этих тактильных практиках и об их изменении. Например, когда театры и концертные площадки закрылись, театральные труппы, чтобы не терять творческой формы, начали снимать видеоролики, неизбежно отражающие условия их производства. Компания BBC в Великобритании совместно с труппой лондонского театра «Сэдлерс-Уэллс» выпустила серию видео под общим названием «Нация танцоров» (Dancing Nation), демонстрировавших разнообразные

попытки творчески приспособиться к новой обстановке. Одно из представлений рассказывало непосредственно об осязании. «Грязь скорби: тактильность» (Mud of Sorrow: Touch 2020) открывалась стихотворными строками: «Кто напишет историю касаний? / Ты помнишь? / А вдруг твоя кожа забыла? / Ты помнишь? / Что происходит с кожей без касаний? / Кто поверит, что прикосновение способно изменить жизнь?» (Автор процитированного стихотворения — Сью Хайман Мансур Хан. Этого имени не было в титрах, поэтому прошу прощения, если ошибся в его написании.) Два знаменитых танцовщика, Акрам Хан и Наталья Осипова, по отдельности исполнили перед камерой блистательный номер, где изобразили «воспоминание» о касании, сочетая приемы балета, техники подъема и удержания равновесия, заимствованные из современного танца, и движения классического индийского танца катхак. Танцоры «вспомнили», то есть воссоздали, выражения чувств, источником которых является осязание, проявления физического контакта и нежности, сопровождающей пространственную близость двух людей — близость, поставленную под угрозу пандемией. В одном из видеороликов хореограф (Уилл Такетт) с тоской говорил о возвращении к условиям, в которых бы танец вновь обрел «телесность» (Dance Nation 1, 2, 3). Требуется ли такая «телесность» касания (а не просто близости в пространстве) — интересный вопрос. Но никто не будет спорить, что касание воплощает телесность, о чем нам беспрестанно напоминает одежда.

Мы «вспоминаем» касание и иначе — так же как вспоминаем любое свое действие, потому что у любого действия есть история. Такие воспоминания необязательно осознанны — и чаще мы как раз не осознаем их. Сколь бы интимным ни было прикосновение, сколь бы новаторской ни была та или иная тактильная форма искусства, у смысла и эстетики такого опыта или чувства всегда есть истоки и прецеденты. Наглядным примером могут служить случаи, когда интимное касание превращается в публичное и наоборот. У осязания, рассматриваем ли мы его как физический контакт или как знаковую систему, есть история, и любое прикосновение, любое воссоздание прикосновения — «воспоминания» об этой истории. Хан и Осипова в исполненном ими номере сознательно «вспомнили» эстетические традиции балета и катхака, одновременно «вспоминая» на уровне движений способы поддержки, чувство общности и близости, сопряженные с физическим прикосновением. Зрители, просматривая видео, участвуют в акте воспоминания о касании, даже если физически ничего не касаются. Перед нами не невинное *тело*, вспоминающее себя в акте касания, а опытное *тело человека*, вспоминающее социальные

и исторические отношения. Вспоминающий телесный человек наделен биологической оболочкой, он унаследовал социально обусловленные представления о значении чувств и движения, а его манера сформирована приобретенными им знаниями (то есть усвоенными практиками, которые Марсель Мосс, как известно, назвал «техниками тела»).

Современная наука проявляет поразительный интерес к чувствам в целом. И ученые, и широкая публика стремятся не просто распознать, но возвеличить телесную культурную жизнь, опосредованную чувствами, — то, что прежние поколения приписали бы деятельности сознания или разума. В последние годы ряд историков и философов открыли или вновь осознали значимость осязания, иногда заявляя, что это чувство как-то затерялось на фоне многовековой традиции рациональной западной философии (Classen 2012; Classen 2020; Fulkerson 2015; Parisi 2018; Paterson 2007). После прочтения многих работ создается впечатление, что автор открывает или заново обретает измерение опыта, заслоненное специфически западным приматом зрения (Maurette 2018). Традиция воспринимать зрение как «благородное чувство», отождествлять его с объективностью, дистанцией между наблюдателем и объектом, эмоциональным равновесием действительно существует и восходит к древним грекам (Jonas 1954). И все же, полагаю, история осязания показывает, что его также всегда весьма и весьма ценили. Если о нем и «забывали», то исключительно в узких образованных кругах и в определенных контекстах. (Яркий пример того, как можно забыть о вездесущности осязания, мы наблюдали на заре исследований в области искусственного интеллекта, когда ученые и в самом деле разъединили интеллект и чувственное восприятие, что оставило глубокий след в науке.) О том, что осязание не было «забыто» в более ранние эпохи, свидетельствуют история труда и язык. Язык изобилует отсылками к когнитивным и эмоциональным аспектам осязания: «я улавливаю, что вы имеете в виду», «она взяла инициативу в свои руки», «какая трогательная история» и так далее. Но прежде чем говорить о языке, я хочу привести наглядную иллюстрацию, подтверждающую, что о значимости касания помнили и в прошлые эпохи.

В западной живописи можно найти картины, аллегорически изображающие «пять чувств». Одна из наиболее известных серий таких полотен была написана в начале XVII века Яном Брейгелем Старшим и Питером Паулем Рубенсом. Осязание художники передали за счет резкого контраста. Чуть правее центра картины, но в фокусе зрительского внимания сидит обнаженная женщина с пышными формами.

Густые шелковистые волосы собраны в прическу, с колен мягкими складками ниспадает ткань, прикрывающая паховую область. Она двигается — оборачивается, чтобы поцеловать купидона, которого она держит в объятиях. Ее обнаженные ступни стоят на ковре, а не на твердом полу или земле, занимающих большую часть нижнего пространства картины. Полотно словно говорит: осязание — непосредственное, «обнаженное», женственное чувство, в нем заключены нежность губ, босые ноги, поворот навстречу тому, с кем «устанавливается контакт». Но самое удивительное в картине — *контраст* между женщиной и целым арсеналом разбросанных по открытым пространствам вокруг ее фигуры доспехов. Доспехи (а ведь они тоже своего рода одежда) расположились по стенам, а на переднем плане мы видим беспорядочную груду обломков доспехов, чеканного и литого металла — холодного, твердого, острого, чуждого всему телесному, тем более мягкой, теплой и подвижной плоти. На картине присутствуют и другие символы, но сказанного достаточно, чтобы объяснить бросающийся в глаза резкий контраст между женской мягкостью, чувственностью, тягой к любви и мужской суровостью, сопротивлением чувствам, готовностью к открытому насилию. Эта картина — свидетельство культуры, идеализирующей различия между полами.

То же самое мы наблюдаем на французском полотне 1820-х годов, позднем примере аллегорического жанра. Четыре чувства предстают в обличье одетых мужчин, а пятое, осязание, — в образе обнаженной женщины. Констанс Классен заметила об этой женщине: «Ей не нужны никаких атрибутов, чтобы показать, какое чувство она олицетворяет, потому что все ее тело осязает и приглашает к осязанию. В подписи мы читаем, что она „tout sentiment“, „вся чувство“, иными словами, в ней нет ничего, кроме физических и эмоциональных ощущений» (Classen 2012: 125; пример взят из: Nordenfalk 1990). С такими трактовками контрастирует современный образ осязания, созданный Натальей Осиповой в уже упоминавшемся видеоролике: на танцовщице простая одежда, мало чем отличающаяся от мужской, — темно-серые брюки и топ, поэтому специфически женственные черты ее облика сведены к минимуму. Активными, осознанными движениями, которыми Осипова изображает касание, она подчеркивает историческую дистанцию по отношению к прежней традиции. Но нежность, вложенная Осиповой и Ханом в каждое движение, раскрывает суть нарисованной ими картины: перед зрителем идеал универсальной человеческой ценности осязания, который преодолевает меняющиеся социальные и культурные коннотации женственности так же, как он стирает границу между приемами балета и катхака.

Вернемся к языку. Глагол «трогать» в равной степени относится к телесной сенсорной активности и к состоянию сознания, чувству, эмоции. В современной культуре, когда естественные науки, медицина и особенно нейробиология обладают значительным авторитетом и составляют один из важнейших источников финансирования научных исследований, многие по умолчанию уверены, что телесный опыт — источник буквального сенсорного понимания, из которого метафорически рождаются мысль, чувство и язык. Работы Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (Lakoff & Johnson 2003) и «Философия во плоти» (Lakoff & Johnson 1999) способствовали популяризации такого подхода. Первобытный человек на ранних этапах эволюции и ребенок в процессе развития личности сначала физически касается чего-либо и только затем учится субъективному восприятию. Поэтому люди отождествляют «чувства» с «осознанием». Так что, утверждают сторонники этой точки зрения, от буквальных, то есть физических прикосновений мы переходим к эмоциональным, говоря, что кто-то нас «тронул» — пробудил в нас теплые чувства. Или вместо того чтобы сказать «не трогай меня» в прямом смысле, привыкаем говорить «я не позволю себя растрогать» — в переносном. И все же я думаю, что, если присмотреться внимательнее, граница между буквальным и переносным смыслами этого языка сотрется. Наше телесное естество, совершающее те или иные действия, и чувства — единое целое, социальная личность, а не обособленное тело, а если мы отталкиваемся от концепции, в которой личности, тело и сознание не изолированные сущности, объединенные метафорической связью, а абстрактные понятия, используемые в аналитических целях. Эмоциональное касание не менее реально, чем физическое. У проводимого нами разграничения между буквальным и метафорическим опытом тоже есть своя история. Связь между высказыванием, воспринимаемым как буквальное, и высказыванием, воспринимаемым как метафорическое, зависит от того, что считается привычным или непривычным в конкретной культуре в конкретный период. В современной западной культуре, уделяющей столько внимания телесности, тело и чувства, казалось бы, «естественно» служат физическими источниками метафор. Однако средневековая христианская культура рассматривала тело как нечто преходящее, не имеющее определяющего значения для человеческой личности, поэтому в некоторые периоды в ряде стран существовало представление, что буквальный источник касания — Бог или дух, как если речь шла о «живом божественном пламени», а физическое касание — метафора духовного. (Я заимствую этот пример у Жака Деррида, писавшего

о забытом смысле человеческого прикосновения как метафоры божественного; см.: Derrida 2005: 247–254.)

Осязаться или писать об осязании означает воссоздавать, «вспоминать» намного больше, чем историю конкретного телесного чувства или биологической функции. Размышляя об осязании, мы размышляем о целостной модели взаимодействия человека и культуры с миром. Как тело, так и одежда хранят в себе историю этого взаимодействия.

Когда говорят о «благородстве зрения», подразумевают, что осязание — «низкое» чувство: в нем задействована не голова, а руки и ноги, оно ассоциируется с тяжелой работой и грязью, а не с просвещением и чистотой. Такой подход увязывает зрение с идеальным разумом, а осязание — с грубой материей, поэтому в «процессе цивилизации», если воспользоваться терминологией Норберта Элиаса, столь важную роль сыграло стремление «облагородить» осязание (Elias 1978). Цивилизованный человек усваивает привычки, опосредующие соприкосновение между грубыми или грязными предметами и изысканным обществом: он ест не руками, а вилкой, дамы и кавалеры носят перчатки. В таком опосредовании участвуют не только вещи, но и люди, в том числе множество людей более низкого социального статуса — слуг и рабочих: они выполняют требующие непосредственных прикосновений задачи за тех, чья работа сопряжена с умственной деятельностью или утонченными чувствами. В современном мире касание опосредовано множеством работников-мигрантов: они носят, чистят, развозят. По тому, как, когда и чего человек касается, можно многое сказать о его положении в обществе.

Разговоры о «благородстве» зрения, из которого вытекает «низменность» осязания, связаны и с ценностью столь важной для науки объективности. «Взгляд» предполагает «дистанцию» между наблюдателем и объектом, и мы прекрасно понимаем, что имеется в виду как физическая, так и эмоциональная дистанция. Беспристрастная объективность требует отказаться от прикосновений. Ученые могут долго изучать объект, прикасаясь к нему руками или с помощью специальных инструментов, но в результате записывают «показания», чаще всего количественные. При этом на долю лаборантов, стоящих на более низкой ступени, нередко приходится много ручного труда. Ученые — такова, по крайней мере, официальная версия — отказываются от «субъективного» качественного суждения в пользу «объективного» количественного измерения, и если первое ассоциируется с осязанием, то второе — со зрением. Ученые заменяют эмоционально окрашенное, «осязаемое» знание «сухими фактами». Современная доказательная медицина построена на том, что врач не столько

слушает рассказы пациентов об их самочувствии, сколько опирается на количественные результаты анализов.

И все же, несмотря на значимость перечисленных обстоятельств, они рисуют ситуацию лишь с одной стороны. Многим практикам присуща гибкость и способность меняться, а язык чувств, используемый для характеристики знания как в повседневной жизни, так и в науке, на редкость универсален. Кто-то скажет: «Посмотрите со стороны, так лучше видно», — но тот же человек может сказать, на первый взгляд противореча себе: «Нужны осязаемые доказательства», — а значит, надо, наоборот, приблизиться, чтобы потрогать руками. (В медицине метод обследования пациента путем ощупывания и нажима называется пальпацией, от латинского слова со значением «ощупывать».) Между зрением и объективностью, равно как и между осязанием и субъективностью, нет однозначного соответствия. Когда покупатель в магазине щупает ткань, он одновременно объективно оценивает ее качество и строит субъективные догадки, какой получится на ощупь одежда из этого материала. Врачи занимаются медициной не только как «наукой», но и как «практикой». Они применяют методы, основанные на непосредственном прикосновении, такие как пальпация, и опираются на показания устройств, чтобы получить количественные результаты.

Осязание играет ключевую роль в повседневном восприятии реальности — в бытии личности в мире. Для многих само представление, что нечто *реально*, прочно связано с тактильными качествами. Такая установка основана на высшем авторитете: Христос предложил Фоме, сомневающемуся ученику, который не мог поверить своим глазам, что Христос воскрес, вложить пальцы в Его раны. Этот пример показывает, что осязание может быть гораздо более надежным источником знаний, чем зрение. Турист, впервые оглядывающий панораму, порой скажет, что вершины гор как будто совсем близко. Опытный путешественник, проведший много времени в горах и прошагавший все эти расстояния (осязавший и двигавшийся), в состоянии оценить дистанцию между наблюдателем и вершинами.

Связь между чувством осязания и представлением о том, что «настоящему реально», продиктована самой жизнью. Когда мы видим, что человек или животное движется, мы понимаем, что перед нами живое существо. У живого движения два вектора, или две составляющих: *действие* организма и *реакция* мира или, если сформулировать иначе, *действие* мира и *реакция* организма. (Об исторической связи такого восприятия с мышечным чувством см.: Смит 2018; Smith 2020a; Smith 2019.) Чувство реальности зиждется на сознании

отношений между разными факторами или силами, действием и противодействием. Модель подобной картины реальности — движущийся, осязающий человек, встречающий сопротивление, либо человек, сопротивляющийся осязанию или движению.

В свете сказанного можно попробовать предположить, почему телесность и осязание занимают в современной картине мира столь важное место. Сегодня жизнь насыщена самыми разными «медиа», от одежды до цифровых каналов — технологий, косвенно связывающих людей друг с другом и с другими материальными объектами. Это дает множество преимуществ, особенно в обстоятельствах, когда по крайней мере некоторые не хотят тесного физического контакта или хотят хотя бы тщательно контролировать такие контакты, как в период нынешней пандемии (Smith 2020b). Технологии, опосредующие наши чувства, особенно технологии виртуальной реальности, расширили возможности познания и представления о том, что можно назвать реальным. Тем не менее и в таких обстоятельствах осязание, осязаемое касание, невозможное без физического присутствия людей, осталось критерием того, что мы подразумеваем под реальностью. Когда люди носят на голове устройства виртуальной реальности, они по-прежнему телесны, их ноги касаются земли, они ощущают собственную позу и движения. Представления, предполагающие физический контакт, в том числе многие формы танца (пусть даже осязание ограничено движениями одного танцора), и виды спорта приглашают вспомнить непосредственный контакт с «реальным». Люди по-прежнему понимают, что значит «открыть» тело и «разоблачить» неприукрашенную действительность, «голую правду» — как на аллегорическом полотне Брейгеля.

Осязание и физический контакт до сих пор ощущаются как нечто личное и сокровенное в мире капиталистической культуры, вкладывающейся в технологии опосредования и развивающей их, потому что они приносят огромную финансовую прибыль создателям и распространителям. Это заставляет задуматься. Долго ли и каким образом осязание и физический контакт будут оставаться интимным переживанием в условиях экономики, ориентированной на извлечение выгоды? Как долго удастся использовать осязание и танец для «разоблачения» и критики опосредованных социальных отношений, которые можно купить и продать? Многие сферы жизни, активно задействующие осязание, такие как одежда и пешие прогулки, уже в значительной степени коммерциализировались, несмотря на сугубо индивидуальный характер. Намечается перспектива информационных технологий, способных генерировать и продавать

опосредованное касание, то есть добиться такого модуса взаимодействия человека и машины, чтобы пользователи получали ощущения, которые бы возникли у них при контакте с другим человеком или с предметом. Как сейчас у нас есть кино — «движущиеся картинки», — так потом появятся «чувственные картинки», что предсказал еще Олдос Хаксли в романе «О дивный новый мир» (1932). Когда такую технологию изобретут (не стану строить предположения, когда именно это произойдет и в какой форме), она переведет чувственный опыт, воспринимаемый сегодня как интимный, субъективный и реальный, в «объективную» категорию товаров. Трудно предсказать, как это повлияет на нашу субъективность, но мы уже знаем, насколько мироощущение человека изменилось с появлением мобильных телефонов и социальных сетей, уже опосредующих многие аспекты некогда близких отношений, поэтому есть основания подозревать, что перемены окажутся серьезными.

Прецедент новой модели осязания уже известен, ведь клавиатура, мышь и сенсорный экран прочно встроились в мир цифровых технологий. Начиная с глубокой древности и вплоть до недавнего времени одежда и обувь, инструменты и виды транспорта, первым из которых была лошадь, опосредовали телесное, тактильное взаимодействие человека с миром. Босые туземцы и идущий за ними по пятам этнограф в кедах живут в разных мирах (Ingold & Vergunst 2008). Люди, привыкшие много ходить, как и танцоры всех мастей, прекрасно осведомлены о различиях разных видов естественных или искусственных твердых поверхностей под ногами и о том, как на восприятие этих качеств влияет обувь. Часто это неосознанное, «телесное» знание — над ним не раздумывают, его не облакают в слова. Подобные общеизвестные факты находят отражение в фигурах речи, например когда говорят, что доводы «непоколебимы», или что некто «хорошо стоит на ногах», то есть не теряет связи с реальностью, или что кто-то «выбит из колеи» либо «земли под собой не чует», то есть человек так или иначе оторвался от действительности.

Еще одно важное измерение эмоционального мира тактильности — доверие. Жажда физического присутствия обусловлена желанием чувственного или эмоционального переживания близости, первичная форма которой — отношение ребенка к матери. Именно это желание и исследуют психоаналитики, в особенности кляйновского толка или сторонники теории объектных отношений. Пространственная близость и прикосновение формируют доверительные отношения, а их характер, в свою очередь, определяет нравственное содержание человеческой жизни. Контакт с другим человеком или

с неким явлением, их физическое присутствие побуждает меня верить, что в моем взаимодействии с этим человеком или событием присутствуют элементы моральных отношений, и доверие к ним влияет на мое поведение в других ситуациях, в том числе и в отсутствие «контакта». Щупая пальцами ткань, женщины оценивают ее качество и в то же время получают тактильное удовольствие: доверяют ли они этому материалу? Конечно, мы часто вполне доверяем глазам, ушам и носу, то есть информации, полученной «на расстоянии». И, безусловно, все наши чувства могут обманываться, и в результате иллюзий возникают отношения, лишенные доверия или не оправдывающие его. Но даже если принять во внимание эти существенные оговорки, в нашей культуре «встреча», то есть физическое соприкосновение людей, часто сопровождаемое жестами контакта, включая рукопожатие, играет важную роль в установлении доверительных отношений. Касание как интимный жест — один из ключей к атмосфере любви и доверия между партнерами, стремящимися к «открытости» друг с другом. Разумеется, и здесь, как и везде, возможны заблуждения. Эта область плохо поддается обобщению: например, просьба о личной встрече, исходящая от мужчины, может вызвать у женщины недоверие. Никто не отрицает, что «дистанцию» правомерно включить в лексикон морали. Но меня интересует прежде всего вопрос, обладают ли опосредованные «встречи», в частности происходящие онлайн, таким же моральным и социальным содержанием, как встречи личные, ведь в отношениях появляется не вовлеченная в них третья сторона, которая руководствуется собственными ценностями, например бизнес-корпорация, владеющая данным каналом связи и диктующая условия общения. Онлайн-«встречи», к которым мы так привыкли за время пандемии, изменили физические аспекты отношений, ускоряя сдвиги и в нравственной их стороне. Именно поэтому исследования осязания и влияния на него новых медиа изобилуют отсылками к политике отношений (Фёрс 2021; Lannen 2020).

Несколько слов в заключение. В культуре, где реальность долгое время ассоциировалась с телесностью, наиболее непосредственным и буквальным проявлением которой, в свою очередь, было касание, новые практики опосредованной коммуникации, обусловленные введенными социальными ограничениями, неизбежно влияют на восприятие реальности. Многие, вероятно, считают, что ощущение материальности реального мира, ощущение, основанное на осязании и движении, заложено в нас на биологическом уровне. Связь между осязанием и чувством реальности кажется «естественной». Само собой, осязание и чувство движения присутствуют в субъективной

жизни эмбриона в утробе матери, во время родов, в первые часы и дни жизни новорожденного, формируя придающее ему «устойчивости» ощущение реальности, которое он сохраняет до самой смерти. Чувствуя биение сердца и дыхание, движение и сопротивление движению, прикосновение губ и груди, ребенок соотносит осязание с реальностью. Все последующие впечатления опосредованы. Однако в этом эссе я избегал универсальных обобщений и писал о современной западной культуре. Уже и такая формулировка расплывчата и слишком широка. Речь идет о *многообразных* формах жизни, специфических элементах, важных для историка, антрополога и, полагаю, для художника. Социальные контексты, с рождения сопровождающие разных людей, внутренне неоднородны, модусы опосредования касания бесчисленны. Разнообразие порождает множество различий в том, как люди воспринимают осязание и конструируют реальность. Но когда *меняется* сама форма осязания, *меняется* и то, что мы называем реальностью, и в этих переменах переплетены материальное и моральное. Локдаун и ограничение контактов в период пандемии почти в одночасье разрушили или пошатнули привычную реальность. Реакция на эти события отнюдь не была одинаковой, как и первые тактильные ощущения, испытываемые человеком при появлении на свет, не говоря уже об осязании и движении в дальнейшем, трудно назвать схожими. И все же самое время спросить: «А вдруг твоя кожа забыла? Ты помнишь?»

Перевод с английского Татьяны Пирусской

Литература

Смит 2018 — Смит Р. Танец жизни / Пер. И. Горькова // Новое литературное обозрение. 2018. № 149: Fins de siècle: Антропология переломных эпох. С. 401–413.

Фёрс 2021 — Фёрс А. Точки соприкосновения / Пер. Т. Пирусской // Теория моды: одежда, тело, культура. 2021. См. в этом номере. С. 25–44.

Classen 2012 — Classen C. The Deepest Sense: A Cultural History of Touch. Urbana: University of Illinois Press, 2012.

Classen 2020 — The Book of Touch / Ed. by C. Classen. London: Routledge, 2020.

Dance Nation 1 2020 — Dance Nation 1. 2020. www.youtube.com/watch?v=wRAGIFKic1w (по состоянию на 01.11.2021).

Dance Nation 2 2020 — Dance Nation 2. 2020. www.youtube.com/watch?v=bJyqNqlxesw (по состоянию на 01.11.2021).

Dance Nation 3 2020 — Dance Nation 3. 2021. www.youtube.com/watch?v=D8fVixw9t-4 (по состоянию на 01.11.2021).

- Derrida 2005* — Derrida J. On Touching — Jean-Luc Nancy / Transl. by C. Irizarry. Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Elias 1978* — Elias N. The Civilizing Process: The History of Manners / Transl. by E. Jephcott. Oxford: Basil Blackwell, 1978 [Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Пер. А.М. Руткевича: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001].
- Fulkerson 2015* — Fulkerson M. «Touch». Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2015. plato.stanford.edu/entries/touch (по состоянию на 01.11.2021).
- Ingold & Vergunst 2008* — Ways of Walking: Ethnography and Practice on Foot / Ed. by T. Ingold, J.L. Vergunst. Aldershot, UK: Ashgate, 2008.
- Jonas 1954* — Jonas H. The nobility of sight: A study in the phenomenology of the senses // Philosophy and Phenomenological Research. 1954. 14. Pp. 507–519.
- Lakoff & Johnson 1999* — Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y.: Basic Books, 1999.
- Lakoff & Johnson 2003* — Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003 [Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. Н.В. Перцова. М.: АКИ, 2008].
- Lannen 2020* — Lannen M. Per-forming the sense of touch: A spatio-temporal embodied technology of resistance // Body, Space & Technology. 2020. Vol. 19 (1). Pp. 22–55.
- Maurette 2018* — Maurette P. The Forgotten Sense: Meditations on Touch. Chicago: University of Chicago Press, 2018.
- Mud of sorrow: Touch 2020* — Mud of sorrow: Touch. 2020: Akram Khan and Natalia Osipova. Far from the norm and boy blue // Part two — Dancing Nation. www.youtube.com/watch?v=bJyqNqlxesw (по состоянию на 01.11.2021).
- Nordenfalk 1990* — Nordenfalk C. The sense of touch in art // Selig K.-L., Sears E. (eds) The Verbal and the Visual: Essays in Honor of William Sebastian Heckscher. N.Y.: Italica Press, 1990. Pp. 109–132.
- Parisi 2018* — Parisi D. Archaeologies of Touch: Interfacing with Haptics from Electricity to Computing. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018.
- Paterson 2007* — Paterson M. The Sense of Touch: Haptics, Affects and Technologies. Oxford: Berg, 2007.
- Smith 2019* — Smith R. The Sense of Movement: An Intellectual History. London: Process Press, 2019 [Смит Р. Чувство движения: Интеллектуальная история. М.: Когито-Центр, 2021].

Smith 2020a — Smith R. Kinaesthesia and a feeling for relations // Review of General Psychology. 2020. Vol. 24 (4). Pp. 355–368 [Смит Р. Кинестезия и метафоры реальности / Пер. О. Михайловой // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 13–29].

Smith 2020b — Smith R. The virus COVID-19 and dilemmas of online technology // Consortium Psychiatricum. 2020. Vol. 1 (2). Pp. 61–68.

Vidal 2018 — Vidal F. Phenomenology of the Locked-in Syndrome: Time to Move Forward. The Neuroethics Blog. 2018. www.theneuroethicsblog.com/2018/10/phenomenology-of-locked-in-syndrome.html (по состоянию на 01.11.2021).